

КОСМОС РУССКОГО САМОСОЗНАНИЯ*

ЧИСЛО

Универсалия культуры; образно–логическое обобщение представлений о красоте, порядке, мере, гармонии, симметрии/асимметрии и др. этого ряда; мифологема, запечатлевшая недискретность и упорядоченность Космоса с его богами, человеческой действительностью и артефактами; инструмент магии, эзотерического знания, гадания; принцип иерархизации и счисления. В плане генезиса и истории Ч. фиксирует ритмические доминанты бытия, порождая термины их описания; служит метатермином в семье числовых категорий, в мире пластической и символической стереометрии и нумерологии как форме интегрального знания; заполняет знаками своего семантического поля области логического умения и эстетической практики, лежащие между искусством и наукой (золотое сечение, линия Хогарта, идея математического черновика в живописи Ренессанса; Кабала, мистика и символика чисел; алхимия и астрология). Типология чисел позволяет выявить природу национальных картин мира. Ч. в ходе эволюции от знака, маркирующего универсальные оппозиции Космоса и быта, развивается в категорию инструментально–космологического (Египет) и иррационального (открытие нуля) содержания; насыщается онтологическим и эйдологическим смыслом (Античность), утверждается в основе сложных политеистических иерархий (Индия, Китай, Япония), становится объектом и приемом метапсихологического видения (в пиктографии и гадательных операциях Старого Китая). Если западное мышление осталось при пифагорейской формуле «вещи – это числа» (т.е. Ч. – логический принцип и эй-

дос–первообраз богов, явлений, качеств, существ и вещей), то Восток принял обращенный смысл той же формулы: «числа – это вещи» (т.е. числа – это объект конструктивного соматического переживания и материал своего рода условной комбинаторики, конфигурирования и проектирования ментальных пространств сознания). Ч. в западных культурных моделях знаменует идею порядка и количества; Восток ценит в числах «качества»: ритмическую предсказуемость, иррационально–вещественную амбивалентность (мнимые числа), надлогическую «хитрость», ускользаемость в них последнего смысла (т.е. «последнего числа»). Античное понимание чисел как автономных структур создало традицию аритмологической герменевтики (наиболее яркую – в эллинистический период: Прокл, Плотин, Порфирий, Ямвлих, Филон Александрийский) и теологии (Августин, Боэций, Петрици, Фома Аквинат). Библейская алфавитно–числовая система сефирот (повлиявшая на арабскую магию текста и через византийскую традицию – на числовые контексты славянских азбуковников), наряду с астролог. и алхимической символикой, родственной числовому мировидению Дальнего Востока, составили основу мирового эзотерического знания, впоследствии профанированного в эклектических учениях масонства и оккультизма. Ренессанс развил возможности особой филологии числа (Данте), поддержал идущую от Платона традицию создания утопий и антиутопий на основе регулятивного числа (Ф. Бэкон, Т. Кампанелла, Т. Мор, Ф. Рабле; ср. опыты Ш. Фурье, и Э. Кабэ и в XX в. – Р. Музиля, а в России –

* Продолжение. Начало в №№ 1'06, 1–4'07, 1–4'08, 1–4'09, 1–4'10, 1–4'11, 1–3'12.

Ф. Булгарина, В. Одоевского, В. Хлебникова, Е. Замятина); создал учение о Божественной Пропорции (Лука Пачоли) и гармонической архитектонике (Л.–Б. Альберти), связал с Эросом и антропологической проблематикой (Марсилио Фичино, Пико делла Мирандола), повысил в ранге инструментально–логическую эстетику числа (Леонардо, Дюрер), заново осознал Ч. как универсалию Космоса и как основной структурный принцип микрокосма (Николай Кузанский, Дж. Бруно). Философия математики и числовая эстетика разводит свои объекты в эпоху Кеплера, Лейбница и Г. Сковороды. Позже осуществляются попытки математического прогноза будущего («дифференциал истории» в «Войне и мире» Л. Толстого). XX в. проявил особое внимание к эстетико–числовой технологии текста (см. тему числа в авангардной поэзии: В. Брюсов, Н. Гумилев, А. Белый, З. Гиппиус), к вопросам эстетики математического мышления (П. Флоренский). Поиск «формулы красоты» в гуманитарных комплексных исследованиях обернулся актуализацией и тематизацией «красоты формулы». Если для классического рационализма Ч. свидетельствует о совершенстве Божьего творения («Бог–математик» Лейбница) и положено как имманентный принцип его саморазвития, то философско–литературный авангард увидел в чис-

ле угрозу сплошь детерминированного мира, обращенную на личность (тема «петербургской литературы», рассмотревшей «регулярность» Невской Столицы как фундаментальный принцип Числа–Города и Города–Логоса). Брюсов тематизировал Ч. в урбанистической и «научной» поэзии; Хлебников пытался отыскать алгоритмы истории (ритмику рождения великих личностей; прогноз последовательности морских катастроф), Д. Хармс пытался осознать эстетические возможности нуля. Релятивные картины мира, возникшие в науке и искусстве на рубеже веков, размыли классические абрисы чисел как эйдосов красоты и совершенства. Числовые символы в прозе Борхеса знаменуют общность мировой культурной памяти на фоне гротескной реальности и бессмысленной истории. Тем интенсивнее в трудах математиков нашего столетия эстетизируется числовая архитектура точного знания (Н. Бурбаки, Н. Винер). Неопифагорейской ностальгией повита современная космогония и космология, общая теория систем, теории игры и конфликта, экспериментальная психология, труды адептов нетрадиционной историологии (группа проф. М.М. Постникова); пафос числа присущ неоструктуралистским штудиям культуры, языка и мифа, постмодерну в поэзии, живописи и музыке, дизайну, моде на оккультное знание.

Тексты: Брюсов В.Я. Числа, 1898; Мир электрона, 1922; Гумилев Н.С. Слово, 1921; Гиппиус З.Н. Числа, 1903; Кеплер И.О. шестиугольных снежинках. М., 1983; Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978; Рытхеу Ю. Магические числа // Новый мир. М., 1985. № 6, 7, 8; Хармс Д. Sicfinitum (Хармс Д. Полн. собр. соч. 1997. Т. 2. С. 309–312); Хлебников В. Числа, 1912; Учитель и ученик. О словах, о городах и народах. Разговор 1, 1912; Спор о первенстве, 1914; Закон поколений, 1914; Своясн, 1919; Соллерс Ф. Числа. Роман. 1968.

Исследования: Айрапетян В. 1) К числам в графике неолита // Структура текста–81. М., 1981. 75–76; 2) Герменевтические подступы к русскому слову. М., 1992 (указ.); Бражникова Н.С. Число в стиле Маяковского // Поэтика реализма. Куйбышев, 1984. С. 75–86; Бернфельд С. Числа // Еврейская энциклопедия. М., 1991. Т. 15. С. 874–880; Бревде Г.М. Иносчисление // Хлебниковские чтения. СПб., 1991. С. 101–105; Бурбаки Н. Архитектура математики // Н. Бурбаки, Очерки по истории математики. М., 1963. С. 245–259; Былинин В.Н. Одна из форм книжной поэзии: вербально–числовые тождества // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С. 18–27; Бычков В.В. Зарождение средневековой эстетики числа и ритма // Философия искусства в прошлом и настоящем. М., 1918. С. 67–123; Васильев А.В. Числовые суеверия. Казань, 1886; Вейль Г. Математическое мышление. М., 1989; Ветловская В.Е. Символика чисел в «Братьях Карамазовых» // Труды Отдела древнерус. литерат. Л., 1971. Т. XXVI. С. 139–150; Володарский А. И. Древнеиндийские системы нумерации // Индийская культура и буддизм. М., 1972. С. 82–89; Григорьев В.П. Образ числа // В.П. Григорьев. Грамматика идиостиля. В. Хлебников. М., 1983. С.119–130; Демидов С.С. О математике в творчестве П. Флоренского // П.А. Флоренский и культура его времени. Марбург, 1995. С. 54–69; Жмудь Л.Я. Пифагор и его школа. Л., 1990; Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия знаковых систем. М., 1978; Ильин И.А. Эстетика гармонии и числа // И.А. Ильин. История искусства и эстетика. М., 1983. С. 221–252; Исупов К.Г. 1) Число как метафора истории (Борхес и Хлебников) // Проблемы метода и поэтики в зарубежной литературе 19–20 вв. Пермь, 1989. С. 154–163; 2) «Номо Numerans» Николая Кузанского // Историко–философский ежегодник'92. М., 1994; Исупов К.Г., Ульянова О.Н. Число в поэтике утопического жанра // Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики. Махачкала, 1988. С. 36–47; Карапетьянц А.М. Древнекитайская системология и математика // XII Научн. конференция «Общество и государство в Китае». М., 1981. Ч. 1. С. 58–72; Кириллин В.М. Символика чисел в литературе Древней Руси // Древнерусская литература. Изображение природы и человека. М., 1995; Кобзев А.И. 1) Методология традиционной китайской философии // Народы Азии и Африки. М., 1984. № 5. С. 52–62; 2) Учение о символах и числах в китайской классической философии. М., 1993; Лахузен Т., Максимо-

ва Е., Эндриус Э. О синтетизме, математике и прочем... Роман «Мы» Е.И. Замятина. СПб., 1994; Лосев А.Ф. 1) Диалектика числа у Платона. М., 1928; 2) Числовая и структурная терминология в греческой эстетике периода ранней классики // Вопросы античной филологии. М., 1966. С. 29–44; Лотман Ю.М. Семантика числа и тип культуры // Ю.М. Лотман. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970. С. 58–63; Крюков М.В. Система родства китайцев. М., 1972; Кудин П.А. Пропорции в картине как музыкальные созвучия. СПб., 1997; Марр Н.Я. О числительных // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. Сб. статей. I; Нидербуде А. Между формализмом и интуитивизмом: Математика и литература в начале XX в. // Литературоведение XXI в. Тексты и контексты русской литературы СПб. – Мюнхен, 2001. С. 162–178; Новичкова Т.А. Традиционные числа в былинах // Известия ОЛЯ АН СССР. М., 1984. Т.43. № 2. С. 144–155; Пиаже Ж. Генезис числа у ребенка // Ж. Пиаже. Избр. психол. труды. М., 1969; Равдоникас Ф. В. Музыкальный синтаксис. СПб., 2002; Садов А. И. Знаменательные числа. СПб., 1909; Силард А. 1) Андрей Белый и П. Флоренский (Мнимая геометрия как встреча новых концепций пространства с искусством) // *Studia Slavica Hungarica*, 1987. № 33. С. 227–238; 2) Жанровые проблемы символистской прозы (роман и математика) // *Studia slavica Hungarica*, 1988. № 34. С. 93–112; 3) Математика и заумь // Заумный дадаизм и футуризм в русской литературе. Берн, 1991. С. 333–352; Симонов Р.А. Математическая мысль Древней Руси. М., 1977; Страхов Н. Н. О времени, числе и пространстве // Русский вестник, 1897. Январь; Сыркин А.Я. Числовые комплексы в ранних упанишадах // Труды по знаковым системам. Тарту, 1969. Вып. IV. С. 76–85; Топоров В.Н. 1) К семантике троичности (слав. 'тризна') // Этимология–1977. М., 1979; 2) К семантике четверичности (анат. 'мен') // Этимология–1981. М., 1983; 3) О числовых моделях в архаических текстах // Структура текста. М., 1980. С. 3–58; 4) Числа // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 629–631; Ульянова О.Н. 1) Число в диалоге мировоззрений // Известия Груз. АН. Серия философии и психологии. Тбилиси, 1985. № 4. С. 43–48; 2) Число в истории эстетического опыта // Филос. науки. М., 1986. № 5. С. 147–151; Феофан (В.Л. Быстров). архим. Тетраграмма, или Ветхозаветное Божественное имя. СПб., 1905; Флоренский П.А. 1) Пифагоровы числа // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. 5; 2) Приведение чисел // Богословский вестник. М., 1916. Июль. С. 292–321; Фролов Б.А. Числа в графике неолита. Новосибир., 1974; Шапочников Н.А. Опыт математического выражения понятий и выводов этики. М., 1896; Чистякова Э.И. Символ как число в теории символизма (По поводу философских размышлений А. Белого) // Филос. и социолог. науки. Киев, 1989. № 6. С. 92–96; Щуцкий Ю.К. Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960; Эккартсгаузен К. Наука числ (Ключ к тайнам Природы). СПб., 1815; Эльбрус А. Поэтика и математика (Хуруфизм в средневековой восточной поэзии и его математическое раскрытие). Баку, 1973; Granet M. *La pensée chinoise*. Paris, 1934; Menninger K. *Number words and number symbols. A cultural history of numbers*. Camb. (Mass.), London, 1970; Whit J. *Mathematical Imagery in Musil's «Young Torless» and Zamyatin's «We»* // *Comparative Literature*. 1966. P. 71–78.

ЭСТЕТИЗМ

1) Перенос явлений искусства на бытовую реальность; 2) восприятие исторически актуальной действительности как эстетического артефакта; 3) самоорганизация биографии как художественного произведения. Термин «Э.» широко употребляется в негативном оценочном смысле, когда имеется в виду Э. ренессансного типа, чреватый ложной героизацией «я», гиперсемиотизацией реальности (она «читается» как текст символистский или загадывается как энигматический), кризисом общения, страхом перед жизнью. Романтический Э. превращает жизнь в «роман», а реальных людей – в его «персонажей» (см. театрализовано-«литургический» культ «прекрасных дам» в среде немецких романтиков и русских символистов). Итог этой разновидности эстетизма – профанация Эроса, превращение его в эротофагию (Ф. Степун). Таков и ницшеанский Э., в кот. окончательно разведены этическое и эстетическое: первое обращено в амбивалентно-циническое самоосмеяние–величание, а второе – в неведающую собственной альтернативы самодовлеющую «красоту» (т.е.

красоту силы, витальной цепкости, онтологического упрямства). Э. оказывается суррогатом веры и лже-религией. Бессознательная подоплека названных форм саморазрушения «я» – нарциссизм; его дериватами в сфере бытового поведения можно считать кокетство, салонное «жизнетворчество», намеренное шутовство и юродство, самолюбование отчаянием, «самосочиненность» (словечко Достоевского), и творческий самообман. Однако подлинные социальные мотивации могут иметь и вполне трагический характер. Они принуждают насильственно овнешненное «я» к спасительному театру личин и к исполнению ампула ожидаемых обществом ролевых стратегий (Теккерей В Книга сновов, 1847). В ситуации, когда «в жизни жизнь переходит в искусство» (Б. Пастернак) мы имеем дело с эстетической защитной реакцией на отчужденную «я» враждебную действительность. Европейская тема приносимого искусством зла (Т. Манн) родилась из предпочтения «духа музыки» хтоническому гнету внешних стихий чуждого мира; но «рождение искусства из духа